

КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА ЯРОСЛАВСКОГО КРАЯ – 2023

Сборник статей и материалов

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 94(470.315–21)(093)

РАННЯЯ ИСТОРИЯ ЮРЬЕВЦА В ПИСЬМЕННЫХ ЦЕРКОВНЫХ ПАМЯТНИКАХ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

Бутрин Егор Сергеевич

кандидат исторических наук,

Государственный архив Ивановской области, г. Иваново

E-mail: esbutrin@yandex.ru

EARLY HISTORY OF YURIEVETS IN WRITTEN CHURCH DOCUMENTS OF THE FIRST THIRD OF THE 19TH CENTURY

Egor S. Butrin

Candidate of Historical Sciences,

State Archive of the Ivanovo Region, Ivanovo

E-mail: esbutrin@yandex.ru

В статье рассматриваются письменные источники по ранней истории Юрьевца, в том числе излагающие легенду об основании города князем Георгием Всеволодовичем в 1225 или 1228 гг. По мнению автора, в Юрьевце эта легенда имела не книжное, а устное происхождение и существовала ещё в XVI в. Именно она стала источником одной из редакций Степенной книги, где впервые была зафиксирована в письменном виде.

Ключевые слова: город Юрьевец; князь Георгий Всеволодович; духовенство; строительство церквей; историческая память; Степенная книга.

The article considers written sources on the early history of Yurievets, including those setting out the legend about the founding of the city by Prince Georgy Vsevolodovich in 1225 or 1228. According to the author, in Yurievets this legend had not a book, but an oral origin and existed back in the 16th century. It was this that became the source of one of the editions of The Book of Degrees, where it was first recorded in writing.

Keywords: the town of Yurievets; Prince Georgy Vsevolodovich; clergy; building churches; historical memory; The Book of Degrees.

***

Пристальный интерес к ранней истории города Юрьевца связан с подготовкой празднования 800-летия города, которое будет отмечаться на государственном уровне. Соответствующий указ Президента был подписан 9 марта 2023 г. Юрьевец долгое время претендовал на звание «старейшего города Ивановской области», однако, не так давно первенство у него перехватил другой небольшой городок на Волге — Плёс, который упоминается в Новгородской Первой летописи в 1141 г. Для большинства древнерусских городов источником, зафиксировавшим «дату рождения», являются летописные своды, либо актовый материал. Юрьевец в этом отношении оригинален — его появление отмечено в одной из редакций жития владимирского князя Георгия Всеволодовича, причём, без привязки к точной дате. В краеведческой литературе XIX–XX вв., посвящённой Юрьевцу, фигурируют две даты легенды об основании города, изложенной в житии, — 1225 и 1228 год.

Первая дата отражена в историко-краеведческом очерке о Юрьевце Л. Л. Поляковой, откуда попала и в последнее краеведческое издание по истории Юрьевца, а вторая фигурирует в известной справочной работе И. И. Власова [1, с. 215; 2, с. 8; 3, с. 21]. В последнее время проблемой активно занимался местный исследователь А. П. Ильин, посвятивший ей две обширные статьи [4; 5, с. 13–16]. Однако от окончательного решения вопроса автор в обеих работах осторожно воздерживается. Задача настоящей статьи — выяснить, откуда упомянутые даты появились в литературной традиции, каким образом закрепились в ней и, наконец, какие «материальные подтверждения» георгиевской легенды имелись в Юрьевце на протяжении XVI–XVIII вв.

В конце XVIII — начале XIX в. юрьевецкая городская Дума неоднократно составляла справки по историческому происхождению, экономическому состоянию и географическому положению Юрьевца. Первая из них была составлена по запросу Астрономической экспедиции академика П. Б. Иноходцева 1781–1785 гг., в ходе которой определялась широта и долгота многих российских населённых пунктов от Воронежа до Петрозаводска. Попал в фокус обследования и Юрьевец. В 1785 г. городская Дума по указу Костромского наместнического правления направила П. Б. Иноходцеву топографическую ведомость. В ней впервые появляется легенда об основании Юрьевца. «Кем сей город основан и на какой случай построен, о том по неимению летописца неизвестно, а по преданию издревле от жителей известуется, что оной город в своё время назначен и жительство в нём утвердил великий князь Георгий Всеволодович в лето 6733,

якобы по явлению ему тогда на Георгиевской горе образа святого великомученика и Победоносца Георгия, где и церковь деревянная была начально построена, что и в житии того святого князя пространнее пишется» [6, л. 8–18]. Сама ведомость, представленная экспедиции Иноходцева, не сохранилась, но в июне 1799 г. Костромское губернское правление затребовало аналогичные сведения для уездного землемера А. А. фон Витте. Дума предоставила эти данные со ссылкой на ведомость 1785 г., исправив лишь некоторые числовые показатели.

Указанная дата получила значительное распространение в источниках конца XVIII в. Именно её называл костромской вице-губернатор И. К. Васьков (1746–1813), составивший в 1792 г. «Описание Костромского наместничества» [7]. Можно предположить, что при работе над этим трудом автор широко пользовался костромскими экономическими примечаниями к генеральному межеванию (оно в Юрьевце проводилось с 1779 по 1781 г.). Полное описание города Юрьевца в примечании к плану Генерального межевания издатели датировали промежутком с 1786 по 1796 г. [8, с. 20–21]. В этом источнике, как и у И. К. Васькова, датой основания Юрьевца называется именно 1225 г. В экономических примечаниях отмечено, что «начало заведения» Юрьевца пришлось на 1225 г. «при князе Юрье Владимировиче во время шествия ево на судах по реке Волге в низовые города, почему и название восприял — Юрьевец, от имени того князя» [8, с. 245].

И. К. Васьков не преминул вступить в полемику с самим В. Н. Татишевым, опровергая утверждение последнего о том, что Юрьевец основан Юрием Владимировичем Долгоруким. Он указывал в качестве даты появления города 1225 г., а основателем его называл князя Георгия Всеволодовича, ссылаясь на «народное предание», существующее «между жителями Юрьевца» [7, с. 207]. Таким образом, к последней четверти XVIII в. у жителей города существовало чёткое представление о его основателе. На это представление опираются все процитированные выше авторы, ссылаясь при этом ещё и на житие Георгия Всеволодовича. В каком отношении друг с другом находились устный и письменный источники георгиевской легенды — остаётся неясным.

Ещё одну статистическую ведомость о Юрьевце местная Дума направила городничему 4 июня 1825 г. Её авторы также ссылались на ведомость 1785 г. Ведомость 1825 г. вместе с другими собранными сведениями вошла в справку, подготовленную городничим для составления военно-топографического описания Юрьевца. В ней речь также идёт об основании города в «лето от сотворения мира 6733, а от Рождества Христова 1225-е» [9, л. 15–17 об.].

Однако для подготовки этой справки собирались ещё и сведения от духовенства юрьевецких церквей через духовное правление. В ведомо-

сти об истории Спасо-Входского собора, представленной 5 июня 1825 г., юрьевецкий протоиерей Григорий Иванович Альтовский изложил легенду об основании церкви, согласно которой соборная Георгиевская церковь, преемником которой и был Спасо-Входской собор, создана «по повелению великого князя Владимирского Георгия, а по просторечию Юрия Всеволодовича в 6736 году». Далее в кратком изложении давалась житийная легенда об основании Юрьевца [9, л. 19].

Готовя итоговую справку для губернатора, городничий впервые вынужден был споткнуться о две разные даты основания города. В начальной части справки он без запинок изложил данные, представленные городской Думой. Но перейдя к описанию церкви, ему пришлось отметить трёхлетнюю разницу между «гражданской» и «церковной» версиями появления Юрьевца. Однако комментировать этот факт чиновник не стал, просто исправив дату «6733», сначала написанную им при изложении истории основания церкви, на «6736» [9, л. 39, 40 об.].

С этих пор и возникают в литературе две разные даты основания Юрьевца. В печатном виде «каноническая» дата (1225 г.) впервые появляется уже в 1827 г. — в публикации письма князя А. Д. Козловского о Юрьевце в Общество истории и древностей российских [10, с. 172]. В этой заметке отмечалось, что Юрий Всеволодович по явлению образа великомученика Георгия на волжской горе «положил построить город, где имел на некоторое время своё жительство». Эта же дата приводится в исторических сведениях о городах Костромской губернии, опубликованных в 1848 г. [11, с. 22–23].

Вторая дата, то есть 1228 г., впервые возникает в «Военно-статистическом обозрении Российской империи», также изданном в 1848 г. [12, с. 100]. В статистическом описании Костромской губернии, изданном в 1861 г., вероятно, вследствие ошибки, дата сдвигается на столетие вперед — 1328 г. [13, с. 594]. Эту ошибку отмечал автор заметки о Юрьевце в «Памятной книжке Костромской губернии за 1862 год», также придерживаясь «церковной» даты (1228 г.) [14, с. 313].

Таким образом, «церковная» дата впервые появляется в ведомости о Спасо-Входском соборе, представленной городничему в июне 1825 г. Решить вопрос о её происхождении помогают ведомости церковей, представленные Юрьевецким духовным правлением по указу из Костромской духовной консистории для сочинения атласа губернии. Оренбургская межевая контора 29 октября 1818 г. просила Костромскую духовную консисторию представить данные о количестве церковей, священнослужителей в них, времени строительства и основателях храмов, а также о находящихся при них кладбищах [15, д. 905, л. 1–1 об., 7]. Данные собирались местными благочинными. Юрьевецким благочинным сведения были представлены в январе 1819 г. Обычно сведения эти достаточно скудны — священники

отмечали, что церковь существует «с древних лет, но в коем году и кем она была построена, равно и священо- и церковнослужители с коего времени первоначально определены, за неимением летописей неизвестно». Далее отмечались даты постройки современного здания церкви, а также время определения членов причта. Завершалась ведомость указанием численности приходских дворов.

Серьёзно отличается от других лишь один документ — юрьевецкий протопоп Алексей Фёдорович Медиокрицкий в ведомости Спасо-Входского собора изложил версию о возникновении церкви и основании города [15, д. 907, л. 1 об.–2]. Именно это изложение было использовано в ведомости, представленной преемником Медиокрицкого Альтовским в июне 1825 г. Тот факт, что текст 1819 г. послужил протографом для ведомости 1825 г. устанавливается почти полным текстуальным совпадением, притом, что целый ряд выражений в более позднем тексте явно искажён. Вместо фразы «доплыв реки Унжи, ста на берегу», в тексте 1825 г. бессмысленное: «доплыв реки Унжи, что на берегу», а юрьевецкий воевода И. И. Петин именуется «Пекиным». Дата же строительства каменного храма вместо деревянной Успенской (тёплой) церкви в тексте 1825 г. вообще пропущена (1756 г.). С другой стороны, Альтовский попытался уточнить месторасположение собора относительно прежней Георгиевской церкви. Он отмечает, что она существовала «на горе», а новая церковь была построена «под горою против той же Георгиевской церкви» [9, л. 19–19 об.].

Источник «канонического» текста георгиевской легенды, изложенной в январе 1819 г. А. Ф. Медиокрицким, устанавливается недвусмысленно — это текст «костромской» редакции жития князя Георгия Всеволодовича. До этого в житии сообщается об основании каменной Богородицкой церкви в Суздале и основании Нижнего Новгорода (6729 г.). Рассказ об основании Юрьевца начинается фразой: «И восхоте святыи во Владимир путешествовати из Ярославля водным путём». Доплыв до устья Унжи, князь «ста на брезе при устии той реки». После чего он лёг спать и видел «в тонце сне» видение: якобы на другой стороне реки «на высокоей горе посреди лесу» находится икона святого Георгия Победоносца, «а пред нею стоит свеща неугасимая». Проснувшись, Юрий направился вниз по реке до «заводи, яка ныне зовётся его бытия ради Юрьева». Всмотриваясь в противоположный берег реки, князь «внезапно узре на горах тех огненную лучю, аки звезду сияюще сквозь лесу». Призвав от своего «синклита» боярина Василия Скороумного, Георгий указал ему на огненный луч, после чего вместе с ним на «лёгких судах» пересёк Волгу «и въздоша на брег и поидоша на гору ту лесную». Взойдя на гору, князь «обрете древо стояще, зовомое вяз», под корнями которого на ветвях стояла икона Георгия, а перед нею «свеща горяща неугасима». Это чудесное явление заставило всех пасть на колени,

поскольку место было «от градов и сёл удалено и великия леса имуща». Георгий простоял на горе три дня, «моляся пред чудотворною иконою», после чего велел «лес посети и место чистити». Тут же по его приказанию был устроен деревянный храм «и жителей неколико близ храма того поселившася». После этого князь велел «на той горе создати во своё имя град на славу и память чудесем святого стратотерпца Георгия, вкупе же и своего бытия». Основанный им Юрьевец «не во многа лета церквями святыми и монастыри и жителми довольно умножится». Георгиевская церковь, в свою очередь, была наименована соборной — к ней князь «протопресвитера и прочий причт устроиша» [16, с. 127–134].

Таким образом, в тексте жития Георгия Всеволодовича имеется отдельное законченное произведение об основании Юрьевца. Сравнивая текст костромской редакции жития Георгия Всеволодовича с легендой, изложенной А. Ф. Медиокрицким в 1819 г., можно заметить значительные текстуальные заимствования. При этом автор ведомости опускает длинные велеречивые отступления, фиксируясь лишь на основных событиях. Опускаются в этом рассказе не только церковные «красивости», но и несущественные детали: разговор с боярином Василием, который к тому же у Медиокрицкого лишается прозвища; путь на гору; удивление относительно появления иконы в безлюдном месте. Источник «церковного» текста, таким образом, вполне ясен. Но житие, как мы помним, послужило одним из источников и «гражданского» извода георгиевской легенды.

Изучавший костромскую редакцию жития Георгия Всеволодовича А. В. Сиринов связывал её появление с деятельностью известного агиографа Сергия (Семёна Михайловича) Шелонина. Занимавший в 1646–1649 гг. пост настоятеля Костромского Ипатьевского монастыря, Шелонин немедленно откликнулся на канонизацию князя Георгия Всеволодовича в январе 1645 г. Работая над житием князя и другими произведениями, он активно привлекал в качестве источника Степенную книгу. В связи с этим обращает на себя внимание выписка из Степенной книги «О начале Юрьевца Повольского», сделанная А. М. Медиокрицким в 1809 г. Поскольку рукопись эта происходит из библиотеки Костромского Ипатьевского монастыря, А. В. Сиринов полагает, что именно там хранился список Степенной книги с легендой об основании Юрьевца [16, с. 89–90].

О хронографическом источнике легенды свидетельствует и точная датировка основания Юрьевца, которая отсутствует в житии. Что касается различия дат, приведённых в двух отмеченных нами «изводах» юрьевецкой легенды, то сам этот факт как раз свидетельствует о её «письменном» происхождении. Оно может иметь два объяснения: либо статья с легендой была вписана на полях напротив известий 6733 и 6736 гг. и точная её датировка оказалась неясна, либо вследствие механических повреждений оказалась

трудночитаема последняя цифра в обозначении года («Г» или «S»). В целом, композиционное построение и лексика юрьевецкой легенды выдают явно позднее происхождение её литературного варианта. Наша задача — попытаться проследить время появления этой легенды в городе.

Ведомости, представленные духовенством в январе 1819 г., дают весьма скудные данные о времени появления юрьевецких церквей. В архиве духовного правления имелась опись местных монастырей патриаршего чиновника Артемья Иевлевича Лачинова 7161 (1652/53) г. Из неё были извлечены сведения о существовании женского монастыря при Преображенской церкви и мужского — при Рождественской церкви. Но данных о том, когда эти обители были упразднены и обращены в приходские церкви духовенство представить не могло. В подавляющем большинстве случаев священники могли назвать лишь дату постройки последней церкви.

Древнейшей из упоминаемых в ведомостях 1819 г. оказалась Богоявленская церковь на Ильинской горе, построенная в 1620 г. «иждивением, вероятно, бывшего тогда монастыря мужского и добрыхотных вкладчиков». Когда церковь стала приходской, оставалось неизвестным. Деревянная Печёрская церковь была возведена горожанами в 7164 (1655/56) г., а заменена каменной в 1756 г. «усердием и иждивением граждан». Казанская деревянная церковь была возведена на месте одноимённой прежней после пожара в 1691 г., а в 1754 г. заменена новым каменным храмом «кочтом приходских людей». Каменная Благовещенская церковь была построена вместо одноимённого деревянного храма в 1700 г. «иждивением прихожанина купца Фомы Климова [Ситникова — Е. Б.] с прочими дателями». Каменная Преображенская церковь была возведена в 1746 г. вместо прежнего деревянного храма «иждивением приходских людей». Каменная Сретенская церковь была построена в существовавшем тогда одноимённом женском монастыре «иждивением монастырским и добрыхотных дателей вкладами» в 1757 г., а приходской стала лишь после учреждения штатов в 1764 г. Вознесенский храм с Покровским и Всесвятским приделам был построен в 1766 г. вместо древней Покровской церкви «иждивением» умершего юрьевецкого купца Ивана Фёдоровича Свешникова «и вкладами добрыхотных дателей». Петропавловская деревянная церковь была возведена в 1773 г. Три года спустя в 1776 г. была построена Троицкая деревянная церковь прихожанином деревни Карпушина Иваном Зародовым. К 1819 г. она перестраивалась в каменную «иждивением приходских людей и церковною суммою». Рождественская церковь была возведена в 1797 г., Предтеченская — в 1802 г., а Петропавловская — в 1805 г. Эти три каменных храма заменили прежние деревянные церкви «иждивением прихожан и добрыхотных дателей» [15, д. 907, л. 3 об.—22].

Как видим, в 1819 г. юрьевецкому духовенству была известна история лишь трёх церквей XVII в. — Богоявленской на Ильинской горе, Печёрской и Казанской. Все эти исторические вехи имели реальное подтверждение в церковных документах, но в ведомостях 1819 г. оказался упомянут лишь один артефакт — грамота на строительство Казанской церкви 1691 г., хранившаяся в церковной ризнице. Особый интерес вызывает история главного городского храма, изложенная в ведомости 1819 г. А. Ф. Медиокрицким. По его словам, соборная церковь, устроенная Юрием Всеволодовичем, существовала вплоть до 7107 (1598/99) г. «А после пожару» по указу царя Алексея Михайловича была «построена соборная церковь на новом месте под горою против той же Георгиевской церкви в посаде во имя Входа в Иерусалим холодная деревянная от юрьевецкой съезжей избы из расходных денег». Затем уже в 7194 (1685/86) г. по просьбе юрьевецкого земского старосты Ф. К. Ситникова воевода И. И. Петин получил грамоту из приказа Большого Дворца на строительство из «мирских расходных денег» тёплой Успенской соборной церкви с выдачей из тех же денег «на ладан и на вино церковное и протопопу с братиею на прокормление» по 30 рублей в год. Деревянный Спасо-Входской собор был заменён каменным в 1733 г., а Успенская церковь — в 1756 г. «иждивением вкладчиков посадских людей». Заметим здесь, что А. Ф. Медиокрицкий был одним из старейших представителей юрьевецкого духовенства. Он состоял в должности соборного протопопа с 25 марта 1778 г. С ним мог потягаться разве что пономарь Казанской церкви Иван Григорьев, определённый на свою должность 13 октября 1768 г. [15, д. 907, л. 1–2 об.].

В 1825 г. юрьевецкое духовенство представило ведомости о своих церквях в первой половине июня (с 5 по 13 число). В данном случае начальство уже прямо просило представить сведения не только о времени создания церкви, но и находящихся при ней «достопамятностях и рукописях». Из этих ведомостей проясняется происхождение некоторых данных по истории юрьевецких церквей, изложенных в документах 1819 г. Прежде всего, обращает на себя внимание царская грамота о строительстве новой Казанской церкви на месте сгоревшей старой. Она была дана в 1691 г. патриархом Адрианом [9, л. 28–28 об.].

В Печёрской церкви имелась рукописная копия с грамоты московского патриарха Никона на её строительство от 29 мая 1656 г. Она была выдана по челобитной юрьевецкого старосты Богдашки Матвеева. Эта обыденная церковь была построена по обещанию посадских людей во время морового поветрия. При Сретенской церкви имелся синодальный указ от 14 июня 1728 г., в котором упоминалось о выдаче руги в 5 рублей священнику Сретенского монастыря Никифору Фёдорову с 7197 г. Ещё один ценный документ сохранился при Рождественском храме. Это была «Повесть о явлении

иконы Корсунской Богоматери перед Рождественской церковью 23 октября 1693 г.). Рукопись этого произведения, написанная полууставом, хранилась в церковной ризнице, и копия с неё была приложена к ведомости [9, л. 22–24 об., 29–31 об., 54–55]. Данный памятник был открыт лишь недавно по рукописи из частного собрания и проанализирован в статье Ю. С. Белянкина [17]. Судя по всему, разбираемый в статье документ являлся единственной рукописью Повести — именно он и хранился в Рождественской церкви.

Единственное значительное церковное предание сохранилось при Богоявленской церкви. При ней имелась рукопись «о житии и чудесах блаженного Симона юродивого Юрьевецкого». Из неё следовало, что при церкви ранее существовал Богоявленский монастырь (в котором и скончался Симон 4 ноября 1593 г.). «Со времени преставления сего блаженного, сперва над гробом, до построения над ним каменной церкви ныне существующей, а потом в церкви и подле неё были петы и ныне поются панихиды по желанию и обещанию приходящих разного сословия людей». Согласно рукописи жития, при закладке каменной церкви в 1619 г. была обнаружена «под гробом святого блаженного в земле каменная плита с изображением креста, коя при погребении его не была положена». Затем в 1635 г. была получена от московского патриарха Иоасафа грамота с благословением «устроить гробницу» над местом погребения святого и «писать на досках образ с круговидным на главе его светом». Грамота эта сторела в старой церкви при пожаре 1694 г. Однако иконы, написанные по приведённому в ней канону, имеются как в самой Богоявленской церкви, так и «во многих домах у жителей города Юрьевца». Хранилась при церкви также и «рукописная служба с молитвою» блаженному Симону [9, л. 20–20 об., 56].

Создаётся впечатление отсутствия иных артефактов древней церковной истории Юрьевца, кроме упоминаемых в ведомостях 1819 и 1825 гг. Однако в ноябре и декабре 1918 г. все церковные общины Юрьевца подали заявления о регистрации в уездный совет депутатов. К заявлениям обязательно прикладывались описи церковного имущества, домов причта, церковных капиталов и угодий. В этих документах содержится описание нескольких интересных артефактов, не попавших в ведомости 1819 и 1825 гг. Например, в ризнице Благовещенской церкви хранились несколько интереснейших документов. Прежде всего, это грамота патриарха Иосифа «со знаком печати» о строительстве «другой деревянной церкви Вознесения Господня» с приделом Владимирской Богоматери (1668 г.). Кроме того, при церкви имелась грамота патриарха Адриана с благословением строить каменную церковь (1694 г.), грамота об освящении Благовещенской церкви от митрополита Рязанского и Муромского Стефана (1701 г.), рукопись об освящении церкви Тихоном, митрополитом Казанским и Свяжским, «в коей по случаю освящения церкви имеются благодарственные стихи» (1702 г.)

и, наконец, список с патриаршей грамоты 1700 г. о лавках [18, л. 437–437 об.]. Таким образом, при храме спустя почти столетие после составления ведомостей хранились пять древних документов, сведения о которых в них так и не попали.

В Печёрской церкви, кроме упомянутой в ведомостях грамоты Никона от 29 мая 1656 г., имелась грамота патриарха Иоасафа от 14 марта 1667 г. о позволении построить новую церковь, вместо сгоревшей в прошлом году. Мало того, в описи 1918 г. отмечены вехи церковной истории, никак не отражённые в ведомостях. Церковь была построена в один день (21 октября 1655 г.) в честь избавления от моровой язвы, по ветхости была разобрана и перестроена в 1728 г., затем сгорела в 1754 г., а два года спустя была возведена в третий раз. При Казанской церкви имелась не только грамота патриарха Адриана 1691 г. и грамота владимирского епископа Платона на устройство вместо деревянной каменной церкви (от 25 августа 1754 г.), которые упоминаются в ведомостях, но и грамота нижегородского архиепископа Питирима на устройство Ильинской церкви (от 2 июля 1734 г.). Значительный архив сохранился и при Сретенской церкви. Среди документов упоминаются: царская грамота о пожаловании попу Сретенского монастыря Никифору Фёдорову пустоши Глазунихи (25 июля 1693 г.), указ суздальского епископа Геннадия на имя монастырского священника Дмитрия Адрианова об уничтожении монастыря и обращении церкви в приходскую (29 декабря 1714 г.), а также синодальный указ на имя игуменьи Дорофеи о строительстве в монастыре церкви Тихвинской Богородицы (18 июля 1728 г.) [18, л. 1, 14, 244 об., 361 об.].

Не следует забывать и о материальных артефактах, также содержащих важные сведения по церковной истории. В той же Сретенской церкви имелись две иконы (Тихвинской Богоматери и Христа Спасителя), написанные знаменитым «царским изографом» Кириллом Ивановым Улановым (в 1709 г. удалившимся в Кривоезерскую пустынь под именем Корнилия). Первая икона была написана в 1711 г. по обещанию игумена этой пустыни Леонтия, вторая — в 1728 г. Из древних артефактов можно отметить сохранившийся при Христорождественской церкви напестольный серебряный крест с надписью на обороте о его «строении» к указанной церкви 28 февраля 1700 г. При Вознесенской церкви остались сразу два напестольных креста с надписями: первый 28 декабря 1696 г. в церковь «Похвалы Богородицы и верховных апостолов Петра и Павла» приложил иноземец Василий Поляк, а второй — 19 июня 1635 г. «в дом Покрова Пресвятой Богородицы, да Петра митрополита Московского» москвич Пётр Иванов Боровитинов [18, л. 234, 191 об.–192, 396–396 об., 399 об.–400].

Как видим, ведомости 1819 и 1825 гг. дают весьма неполные данные об истории юрьевецких церквей. Ещё более это впечатление усиливается

знакомством с ведомостями о церквях, представленными в Юрьевецкое духовное правление местным духовенством в июне 1800 г. [15, д. 423, л. 1–12 об.; д. 424, л. 1–1 об.; д. 425, л. 1–10 об.]. В этих ведомостях строительство целого ряда церквей обозначено иными датами, чем в документах 1819 и 1825 гг.: Казанской церкви — 1745 г. (а не 1754), Печёрской — 1755 г. (а не 1756), Троицкой — 1777 г. (а не 1776). Кроме того, в этих ведомостях указана точная дата строительства деревянной тёплой церкви Параскевы Пятницы — 1746 г. (в ведомостях 1819 и 1825 г. она просто опущена), а также строительства деревянных предшественниц Христорождественской церкви, построенной в 1797 г.: Христорождественская с Борисоглебским приделом была возведена в 1733 г., а Богородицерождественская — в 1729 г. Но главное, в этих ведомостях упоминаются церкви, уже ликвидированные ко времени появления документов 1819 и 1825 г. Это бесприходная Воскресенская церковь с приделами Иоанна Богослова и Дмитрия Солунского, построенная в 1679 г., церковь Происхождения Честных древ с приделами Георгия Победоносца и чудотворцев Космы и Дамиана, построенная в 1749 г., а также Богородицерождественская церковь, возведённая в 1645 г. Три указанные деревянные церкви позднее были ликвидированы, так что никаких сведений о них в памяти местного духовенства уже не сохранилось.

Всё это свидетельствует о том, что историческая память юрьевецкого духовенства была весьма ограничена, как сущностно, так и хронологически. Об этом же свидетельствует и подлинная история Сретенского монастыря, весьма косноязычно изложенная духовенством этой церкви в ведомостях 1819 и 1825 гг. В них упоминается о синодальном указе 1728 г., строительстве каменной церкви в 1757 г. и упразднении монастыря в 1764 г. Между тем, в Юрьевецком духовном правлении хранилось дело об освидетельствовании Сретенской церкви в октябре 1751 г. В нём отложились документы, связанные с историей монастыря. Основание ему положила царская грамота юрьевецкому воеводе И. Ф. Лызлову, отправленная по прошению игуменьи Ираиды и сорока сестёр Рождественского девичьего монастыря 20 августа 1666 г. Они отмечали, что все юрьевецкие церкви, включая их монастырь, сгорели в недавнем пожаре. Монахини оказались вынуждены «скитатца меж двор без приюту». Между тем, в городе имелась Сретенская церковь, стоявшая «впусте». Местный чёрный поп Васьян призывал их к этой церкви «перейтить и построить самим вновь кельи» в её ограде, на что и было получено разрешение. Одна из преемниц Ираиды, игуменья Дорофея, 18 июня 1728 г. получила из Синода указ с разрешением строительства церкви Тихвинской Пресвятой Богородицы вместо сгоревшего храма. Новая церковь была освящена 13 мая 1731 г. [15, д. 45. Л. 27–29].

А два десятилетия спустя в ветхость пришла старая Сретенская церковь. Игуменья Христофора с сёстрами и юрьевецкие купцы Т. В. Ушенин,

Ф. М. Свешников и И. Ф. Колобов просили вместо неё построить новый храм того же имени с приделом святого Иоанна Златоуста [15, д. 43, л. 1–2]. Уже на следующий день ветхая церковь была освидетельствована. Вывод гласил, что храм «склоняется к самой ветхости и божественную службу исправлять в нём весьма опасно». Никаких угодий по писцовым книгам И. А. Желябужского 1676 г. монастырю не принадлежало, но по приговору посадских людей из земской избы выдавалось 5 рублей на жалование попу с причетниками, да ещё по грамоте из Большого Дворца 7175 (1666/67) г. на пропитание сёстрам выдавались деньги из юрьевецких таможенных доходов. Из этой суммы 1,5 рубля получала игуменья, а остальные сёстры — по 70 копеек. К 1751 г. в монастыре числились игуменья Христофора, 22 монахини, поп Иван Степанов и пономарь Иван Фомин. Монахини ежегодно получали на пропитание по 60 копеек из Юрьевецкой воеводской канцелярии по указу от 10 ноября 1741 г., но более кормились «от подаяния христолюбцев и от рукоделия своего». Поп же владел пожней Глазунихой, полученной его предшественником Никифором Фёдоровым по грамоте из приказа Большого Дворца от 3 августа 1692 г. из платежа оброка 50 копеек в год [15, д. 45, л. 9–12].

Документы этого дела проливают свет на целый ряд актов, упомянутых как в ведомости 1819 г., так и в церковной описи 1918 г. Здесь и грамота на пустошь Глазуниху, и указ о строительстве в монастыре Тихвинской церкви (из описи 1918 г.). Здесь же синодальный указ 1728 г., в котором упоминалось о выдаче монастырю рути по грамоте из Большого Дворца (из ведомости 1825 г.). Как видим, документы по истории монастыря в изобилии имелись на хранении в Сретенской церкви и в начале XIX в., и столетие спустя, но вот обобщить их для описания истории храма никто так и не сумел. Отношение даже не к храмовой истории, а к собственной экономической базе — церковной собственности, хорошо иллюстрируют материалы допроса юрьевецкого протопопа Григория Яковлева 15 декабря 1749 г. В эту должность он был произведён 17 февраля 1730 г. в Москве нижегородским епископом Питиримом. Он сообщал, что при Спасо-Входском соборе имеется 10 четвертей пахотной земли и «сенных покосов на сколько копён, не помнит». Половиной всего этого имущества и ежегодного дохода от треб он пользовался вместе с сыном — дьяконом Андреем. Вторая же половина принадлежала попам Андрею Иванову и Афанасию Мартынову «по древнему обыкновению». Никаких документов на церковные земли у него не имелось [15, д. 34, л. 1–5].

Столь обширный экскурс в историю юрьевецких церквей XVII–XIX вв. и отражение её в памяти местного духовенства должен продемонстрировать простую мысль — для закрепления некоего события в исторической памяти необходимо было его действительно выдающееся значение с одной

стороны, и подкрепление материальными артефактами — с другой. Только тогда оно могло укорениться в местной исторической традиции. Этому, на первый взгляд, противоречат выводы протоиерея П. К. Алякритского, который в работе о почитании Симона Юрьевецкого в XVII–XVIII вв. начисто разбил легенду о создании каменной Богоявленской церкви в 1620 г. [19]. Он доказал, что первой каменной церковью в городе была Благовещенская, строительство которой было начато в 1694 г., а закончено в 1702 г. Каменная Богоявленская церковь впервые упоминается в 1719 г., хотя во всех клировых ведомостях речь идёт именно о 1620 г. Реплика о возведении в этом году именно каменной церкви, конечно, была добавлена её причтом по ошибке. Но в остальном история церкви, изложенная в ведомостях 1819 и 1825 гг., совпадает со сведениями жития Симона Юрьевецкого, список которого имелся при храме. Здесь идёт речь и об «обретении» каменной плиты над гробом святого в 7127 (1618/19) г., а затем о возведении новой гробницы над его могилой в 7143 (1634/35) г. [20, с. 48, 59]. Так что факты из письменного источника излагались служителями церкви вполне адекватно, хотя и не без некоторых интерполяций.

В этом свете обратимся к следам георгиевской легенды в Юрьевце в XVII–XVIII вв. В своё время Н. А. Мерзлютина отмечала, что до освящения храма в нижнем ярусе Георгиевской колокольни Спасо-Входского собора «в городе не известно ни одной церкви, посвящённой святому князю Георгию, канонизированному ещё в 1645 г.» [21, с. 137]. Это, конечно, не совсем так: в той же статье имеется рассказ об истории деревянной Георгиевской церкви, якобы сгоревшей от молнии в 1826 г. [21, с. 129]. Речь здесь должна идти, впрочем, не о Георгиевской церкви, а о церкви Происхождения Честных древ с Георгиевским и Космодемьянским приделами. Эта деревянная бесприходная церковь отмечена в ведомости, составленной юрьевецкой Думой в июне 1799 г.: «По преданию предков известно, что была на том месте первоначальная в городе и соборная Георгиевская церковь» — та самая, что была основана Георгием Всеволодовичем «по явлению ему на оном месте образа святого великомученика Георгия» [6, л. 9].

Эти сведения подтверждаются данными прошения юрьевецкого земского старосты Лариона Пономарёва о строительстве новой соборной церкви в феврале 1744 г. Он сообщает, что в Юрьевце «на горе где наперед сего была соборная церковь», ныне имеется церковь Происхождения Честных древ, которая пришла «в ветхость немалую». Посадские люди просили дозволения разобрать храм и на его месте выстроить новый того же имени с приделами «при трапезе по правую сторону великомученика Георгия, а по левую Космы и Дамиана». Храм был возведён к концу апреля 1745 г. и «убран святыми иконами и прочим церковным благолепием» [15, д. 14, л. 1–6]. Далее георгиевская традиция прослеживается и в XVII в. В писцовой книге

города Юрьевца И. А. Желябужского, выпись из которой посадские люди получили по челобитной от 12 марта 1676 г., также отмечается, что церковь Происхождения с приделами «построена наново на прежнем месте, где до пожара была соборная церковь» [22, с. 37–38]. Но главное — сведения о соборной Георгиевской церкви имеются в житии Симона Юрьевецкого, скончавшегося в ноябре 1593 г. В нём упоминается «града Юрьевца соборная церкви святого великомученика Георгия священник именем Алимпий», которого блаженный избавил от застрявшей в горле рыбной кости [20, с. 47, 55]. Таким образом, Георгиевская церковь не просто существовала, а в конце XVI в. была главным соборным храмом города. И об этом его жители хорошо помнили как в 1676 г., так и в 1744 г. Всё это свидетельствует о древнем происхождении и чрезвычайной живучести георгиевской легенды на юрьевецкой земле.

Возникает вопрос о времени смены прежнего городского соборного центра Спасо-Входским собором. Ведомость Медиокрицкого датирует этот процесс неопределённо: Георгиевская церковь якобы сторела в 1599 г., а затем оказался построен Спасо-Входской собор — по указу царя Алексея Михайловича. В действительности, судя по писцовой выписи 1676 г., Спасо-Входской собор был действительно построен «государевою казною», но только при царе Михаиле Фёдоровиче. В 7136 (1627/28) г. его причт получил значительные земельные угодья вместо хлебного жалования по грамоте из приказа Большого Дворца. Попу с причетниками выделялась из таможенных доходов руга в 10 рублей 47 копеек, ему принадлежали пашенная земля и сенокосы в Елнатской волости, а также перевозки на реках Волге и Унже [22, с. 21]. Заметим, что именно в Спасской церкви находились иконы и утварь церкви Происхождения Честного креста: «образ великомученика Георгия с мучением и с чудесы, образ Происхождение Честного и Животворящего Креста в киоте, на красках и на золоте, образ чудотворцов Козмы и Дамияна в киоте, венцы серебряные басмяные» [22, с. 18]. Все это лишний раз свидетельствует о неразрывной связи «нагорного» и «подгорного» храмов. Решение о перенесении соборного центра под гору было принято, судя по всему, на государственном уровне. Но местная память цепко хранила георгиевскую легенду, материальным выражением которой на следующие два столетия стал храм Происхождения Честных древ с Георгиевским приделом, а затем — Георгиевская колокольня Спасо-Входского собора, построенная в 1827 г.

В свете настоящих данных представляется почти несомненным, что георгиевская легенда имела не книжное, а устное происхождение. В Юрьевце существовала длительная традиция, связанная с почитанием Георгия Всеволодовича, как основателя города. И в одну из редакций Степенной книги она попадает, вполне возможно, ещё в конце XVI в., задолго до канони-

зации князя в 1645 г. Затем эта легенда была использована при создании костромской редакции княжеского жития в середине XVII в. А через неё уже в письменном виде вернулась в Юрьевец в конце XVIII в. Тем не менее, вопрос соотношения этой исторической легенды с реальностью начала XIII в. является отдельной темой, которая ещё ждёт своего исследователя.

Перечень библиографических ссылок

1. *Власов, И. И.* Наши города // Иваново-Вознесенская губерния. Иваново-Вознесенск : Основа, 1924. Т. 1. С. 194–227.
2. *Полякова, Л. Л.* Юрьевец : историко-краеведческий очерк. Ярославль : ВВКИ, 1984. 144 с.
3. Юрьевец : Прошлое и настоящее города на Волге / авт.-сост. И. П. Антонов. Иваново : Ивановская газета, 2000. 238 с.
4. *Ильин, А. П.* Основание Юрьевца : легенды и факты // Владимирские чтения. Москва, 2016. Вып. 1 : Сборник материалов Первой научной конференции по проблемам истории, культуры и художественной жизни Юрьевца, посвящ. памяти Б. А. Владимирова, 14 ноября 2014 г. С. 6–16.
5. *Ильин, А. П.* Загадки древнего Юрьевца // Владимирские чтения. Москва, 2017. Вып. 2 : Сборник материалов Научной конференции по проблемам истории, культуры и художественной жизни Юрьевца, посвящ. памяти Б. А. Владимирова. С. 13–21.
6. ГАИО. Ф. 978. Оп. 1. Д. 1650.
7. *Васьков, И. К.* Описание Костромского наместничества вообще. 1792 год : коммент. изд. / [сост. О. С. Куколевская]. Кострома : Линия График Кострома, 2019. 471 с.
8. Города Российской империи в материалах Генерального межевания. Центральная Россия / МГУ им. М. В. Ломоносова, РГАДА. Тула : Аквариус, 2016. 760 с., 72 л. цв. ил.
9. ГАИО. Ф. 989. Оп. 1. Д. 25.
10. *Козловский, А. Д.* О Юрьевце // Труды и летописи Общества истории и древностей российских, учреждённого при Императорском Московском университете. — Москва : в Универ. тип., 1827. Ч. 3, кн. 2. С. 171–174.
11. Исторические сведения о некоторых городах Костромской губернии // Журнал Министерства внутренних дел. 1848. Ч. 22. С. 3–27.
12. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 4, ч. 3. Костромская губерния. Санкт-Петербург : в Тип. Департамента Ген. штаба, 1848. 130 с., [20] л. табл.
13. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. [Т. 12]. Костромская губерния / сост. Я. Кржиwoблoцкий. Санкт-Петербург: Тип. Н. Тиблена, 1861. 649 с., [4] л. карт, табл.

14. Памятная книжка Костромской губернии на 1862 год, составленная Костромским губернским статистическим комитетом. Кострома : Губ. тип., 1862. 380 с., [7] л. табл.
15. ГАИО. Ф. 907. Оп. 1.
16. Путь ко граду Китежу : князь Георгий Владимирский в истории, житиях, легендах / подгот. текстов и исслед. А. В. Сиринова. Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2003. 230 с.
17. *Белянкин, Ю. С.* К истории юрьевецких святынь : повесть о явлении иконы Корсунской в 1695 году // Владимирские чтения. Москва, 2019. Вып. 3. С. 27–31.
18. ГАИО. Ф. Р-161. Оп. 2. Д. 150.
19. *Алякритский, П. К.* К делу о прославлении святого и блаженного Симона Юрьевецкого // Костромские епархиальные ведомости : ч. неофиц. 1906. № 15 С. 603–608.
20. *Мерзлютина, Н. А., Сироткина, И. Д.* Житие Симона Юрьевецкого // Владимирские чтения. Москва, 2019. Вып. 3. С. 43–66.
21. *Мерзлютина, Н. А.* Соборный ансамбль города Юрьевца // Архитектурное наследие. Москва : URSS : КРАСАНД, 2012. Вып. 56. С. 129–140.
22. Материалы по истории, археологии, этнографии и статистике Костромской губернии. Вып. 1. Писцовая и межевая книги по городу Юрьевцу Поволжскому и Стрелецкой слободе 7184 (1646) года. Кострома : Губ. тип., 1912. III, 282, II с.

